

ГЛАВА V. Лидеры рабочего класса пролетарского происхождения

В попытках решить неразрешимую проблему власти руководителей над подчиненными никогда не было недостатка. К ним относится и распространенное и яростно отстаиваемое предложение держать интеллигенцию подальше от руководящих должностей в рабочей партии в пользу руководителей из самих рабочих. Война с интеллектуалами имеет место в любом государстве и в любые времена. Это предложение в результате приводит к искусственно созданному представлению об «аутентичном» руководстве. Последнее зиждется на ошибочных, куцых и ложно интерпретируемых положениях о сущностном родстве между пролетарским руководством и пролетарскими подчиненными и опирается, например, на положение, выдвинутое на конгрессе Первого интернационала в Женеве в 1866 году, согласно которому независимость рабочих – дело только самих рабочих. Руководители, вышедшие из рядов пролетарского слоя, мыслят и чувствуют подобным образом. На деле они оказываются способны распознать и оценить экономические потребности масс, так как знают о них по собственному опыту; даже в том случае, если уже не работают по специальности, они не только разбираются в профессиональных особенностях своего дела, но и могут судить о жизни рабочих в целом [446]. По сравнению с представителями буржуазии в работе партийного руководителя, происходящего из рабочего класса, проявляются как недостатки, так и – в большей степени – лидерские достоинства, так как он лучше разбирается в пролетарской психологии масс и умеет обращаться с рабочими.

Из этого можно сделать вывод, что бывший рабочий, даже заняв руководящую должность, сохраняет тесный и прочный контакт с соратниками, может выбрать наиболее разумный путь и поручиться за то, что ведет партийные массы в верном направлении[447].

В центре теории синдикализма находится «прямое действие» независимых профсоюзов, свободных от политического попечительства лидеров социалистических партий, происходящих в большинстве своем из буржуазных классов. Прямое действие – это направить пролетариат в парламент, не прибегая к парламентскому представительству. Его описывают как апофеоз автономии пролетариата. Оно зависит от энергии, инициативности и смелости каждого отдельного рабочего. Партизанская армия без бесплодного генералитета ленивых бюрократов из партийного аппарата, самостоятельная, самоуправляемая, самовластная[448]. Перенесенное из лирики в прозу различие между синдикализмом и социал-демократией – оставляя за скобками тактические различия –

заключается в разнице социального происхождения их лидеров. Рабочими профсоюзами руководят сами рабочие, из чего сторонники синдикализма делают довольно смелый вывод о том, что их политическая линия обязательно должна совпадать с политикой пролетариата[449]. Это в моральном и интеллектуальном смысле представители элиты, которые занимаются ведением дел профсоюзов [450]. Лидеры рабочего движения, происходящие из рабочих слоев, в такой ситуации оказываются спасителями, по меньшей мере они лучшие из возможных лидеров[451] .

Без сомнения, это иллюзия – полагать, что, если пролетариат доверит управление партией выходцам из пролетариата, а не привычным адвокатам и докторам, все решения будут приниматься напрямую без участия посредников. Лидер современного рабочего движения не может продолжать заниматься физическим трудом. В тот момент, когда группа его товарищей по мастерской поручает ему взять на себя обязанности по ведению дел рабочих, она неосознанно исключает его из рабочего класса и помещает в новый – класс чиновников (см. ч. IV, гл. 3). Пролетарский лидер рабочего движения в этот момент перестает быть рабочим не только в техническом смысле слова, то есть перестает стучать по камням или подбивать подметки, но и в психологическом и экономическом смысле, он становится посредником, в точности как его коллега адвокат или доктор. Иначе говоря, по своим свойствам в качестве депутата и народного представителя лидер движения пролетарского происхождения подвержен тем же обозначенным выше олигархическим тенденциям, что и ставший руководителем пролетариата буржуазный перебежчик. Теперь бывший рабочий деклассируется.

Из всех лидеров рабочих лидеры профсоюзов снискали наибольшее количество сторонников в специальной литературе. Это вполне естественно. Литература, в том числе социальная, – дело ученых и писателей. Они, как правило, куда больше расположены к лидерам профсоюзов, чем к лидерам политических рабочих движений, поскольку первые в отличие от последних не вмешиваются в их работу, не настаивают на собственных теориях или мировоззрении. Поэтому так часто в ученых трудах можно встретить хвалебные речи в адрес профсоюзных лидеров вместе с упреками в адрес лидеров партии.

Существует мнение, что профсоюзный руководитель выполняет функцию буфера между рабочим классом и предпринимательством и это формирует в нем выдающиеся и редкие качества: ловкость и добросовестность, терпение и энергичность, твердость характера и честность. Им приписывают даже отсутствие потребности в сексуальной жизни и стыдливость, которая свойственна любому властному руководителю в соответствии с психологическим законом компенсации, открытым Гульельмо Ферреро[452]. Особенно ярко в лидерах профсоюзов проявляется деловая серьезность, которую часто путают с некомпетентностью. Она возникает из их острого чувства ответственности и сухого, серьезного рода деятельности[453]. Профсоюзные лидеры предстают своего рода противоположностью болтливым рабагасам, словесным революционерам политических рабочих движений, им – не без преувеличения – приписывают способность увидеть всю сложность политической и экономической жизни, а также четкое понимание поставленных политических целей[454]. Вполне справедливо, что руководство профсоюзов, за исключением синдикалистов, во многих аспектах действительно отличается от руководства социал-демократической партии. Безусловно, на отдельных этапах развития профсоюзного

движения качества профсоюзных лидеров трансформируются. Для управления слабой с финансовой точки зрения организацией, когда она еще только начинает заниматься распространением своих идей и организацией забастовок, необходимы совсем другие качества, нежели чем для управления профсоюзом, который занят выдачей пособий и нацелен на заключение мировых. Первые полны энтузиазма и дара убеждения. Согласно утверждению Пальяри, им не может помешать даже чудовищное невежество[455]. Искусство пропаганды – романтическое и сентиментальное, ее объект – моральное, а не материальное. На более поздних этапах все меняется. Комплексы задач, сложно устроенная финансовая и организационная система, до которых «дорастают» профсоюзы, требует лидеров, обладающих необходимыми знаниями. Для решения вопросов классовой борьбы профсоюзы заменяют коммивояжеров строгими и расчетливыми прагматиками, пылких идеалистов – порядочными материалистами, сомневающимися демократов – уверенными автократами. Даже ораторское искусство уже не играет такой значительной роли. На первый план выходят навыки управления. Поэтому и управление профсоюзом на более поздних этапах выглядит иначе – оно молчаливее, сверкает не так ярко, не преисполнено величия, но его внутреннее устройство куда прочнее, так как основывается исключительно на профессиональной компетентности. Руководство отделено от масс не только рутинной ежедневных дел, но и стеной законов и правил, направленных как на них, так и на их подчиненных. Устав немецкого союза металлургов насчитывает 47 печатных страниц и 39 параграфов, каждый из которых включает 10–12 пунктов[456]. Современный профсоюзный чиновник, особенно если он входит в состав генеральной комиссии, должен обладать необходимыми знаниями о существующих в конкретной промышленной отрасли системах отношений и в любой момент уметь организовать силы союза для успешной борьбы с противником. Он должен разбираться как в технических, так и в экономических аспектах промышленности: стоимости производства товаров, стоимости и производстве сырья, общем положении рынка, уровнях заработных плат и уровнях жизни рабочих в каждом отдельном регионе. От него требуются и стратегическая, и дипломатическая гениальность[457].

Таким образом, профессиональные качества, необходимые хорошему профсоюзному лидеру, выходят далеко за пределы демократических идей. Они неизбежно расходятся с ними.

Именно среди бывших рабочих в наибольшей степени распространена порочная воля к власти. Только что избавившись от цепей капиталистического рабства и перестав быть наемным рабочим, экс-рабочий меньше всего хочет оказаться закованным в цепи власти масс. Как и любой свободный человек, он склонен к распущенности. В любой стране можно найти подтверждение наблюдению, что даже тот лидер, который происходит из рабочих кругов, оказывается особенно своенравным и с большим раздражением выслушивает протесты со стороны подчиненных. Причина кроется в его характере парвеню. Суть парвеню заключается в ревностном и повелительном сохранении своего новоприобретенного авторитета, в любой критике ему видится оскорбление и дискредитация, намеренное, злоумышленное напоминание о прежних временах. Лидеру рабочего движения не по нраву, когда ему напоминают о его происхождении и его зависимости, точно так же как крещеному еврею не по нраву напоминание о его расе и племени.

В случае с лидерами профсоюзов, как и в случае с любым self-made man, имеет место и потрясающее тщеславие. Они уже «не понимают», чего добились они и их соратники, им

остается только «удивляться»[458]. Их тщеславие основывается на их профессиональных знаниях, но, как правило, им недостает общего образования и широты кругозора[459], а также уверенности в себе, свойственной прирожденным лидерам. Они не способны противостоять навязчивой любезности со стороны буржуазии. В одном из писем к Зорге Энгельс писал из Англии: «Самое отвратительное здесь – это всосавшаяся в плоть и кровь рабочих буржуазная “респектабельность”. Социальное расчленение общества на бесчисленные, бесспорно всеми признанные градации, из которых каждая имеет свою собственную гордость, но в то же время проникнута врожденным чувством почтения перед “лучшими” и “высшими”, столь старо и столь устойчиво, что для буржуазии по-прежнему не представляет большого труда приманивать рабочих. Я, например, далеко не уверен, что Джон Бернс в душе не гордится своей популярностью у кардинала Маннинга, лорд-мэра и вообще у буржуазии больше, чем у своего класса... И даже Том Манн, которого я считаю среди них самым лучшим, и тот любит поговорить о том, что он будет завтракать у лорд-мэра» [460].

Один из немногих «классово сознательных» немецких рабочих, которому удалось непосредственно пообщаться с Вильгельмом II, не осмелился выразить свое мнение в присутствии царственной особы и исповедаться в своих политических взглядах[461].

Новое окружение оказывает весьма сильное воздействие на бывших рабочих. Их манеры становятся более изысканными и рафинированными[462]. Благодаря ежедневному контакту с теми, кто по праву рождения занимает более высокое социальное положение, рабочий учится обходительности. Некоторые рабочие депутаты стараются скрыть метаморфозу, которая происходит в их душе, с помощью подчеркнутых признаков принадлежности к более низкому классу[463]. В английском парламенте, где приличия обязывают носить цилиндр, некоторые руководители рабочего движения появляются в бесформенных шляпах, рабочих блузах и красных галстуках[464]. Однако подобные внешние формы не способны скрыть внутренних изменений, как заметил Жорес перед тем, как присоединиться к рядам социалистов: «Депутаты рабочего класса, прибывающие в парламент, очень быстро превращаются в буржуа в худшем смысле этого слова, теряют первоначальную бодрость и энергию, им остается лишь выносить сентиментальные суждения»[465].

Одновременно с глупым самодовольством бывший рабочий с легкостью поддается влиянию благополучия и сытости. Его самодовольство распространяется и на его окружение. Многие из них совершенно равнодушны к демократическим устремлениям, иногда и вовсе настроены враждебно. Они обосновываются в новых условиях и смиряются с ними, измученные продолжительной борьбой [466]. Какое им дело до законов социальной революции? Их социальная революция уже совершилась. В основном их мысли сосредоточены на одной надежде – достаточно продолжительном сохранении пролетариата, который они должны представлять и поддерживать [467]. Поэтому они утвердили положение, которое предписывает заниматься организационными вопросами до бесконечности, они уверены, что все проблемы рабочих будут решены, когда среди них не останется ни одного неорганизованного рабочего. Как и все *beati possidentes*, они плохо подготовлены к борьбе. В Англии они склонны верить, что рабочие и предприниматели заключают своего рода деловой союз и разделяют между собой – пусть пока и не поровну – полученную прибыль. Зарплата, причитающаяся рабочим, зависит от общей прибыли

предприятия. Это убеждение, основанное на так называемой теории скользящей заработной платы, снимает все классовые противоречия и придает задачам рабочих организаций торгово-технический характер. Если борьба неизбежна, лидер пускается в долгие переговоры с противником: чем дольше они продлятся, тем чаще его будут упоминать в народе и прессе. Если при этом он выражает «разумные мысли», ему обеспечено одобрение со стороны противника и благодарность со стороны подчиненных.

Разумеется, наряду с эгоизмом, ленью и трусостью в единичных случаях встречаются истинное знание и образованность, но они тесно связаны и почти неотличимы друг от друга. Горячие головы, которых достаточно и среди лидеров из пролетарских слоев, становятся спокойнее и рассудительнее. Их искренняя убежденность запрещает им проводить политику активного наступления, в результате которой они не добьются, но поставят на кон все нажитое. Зачастую эти тенденции идут рука об руку. Их результат – имманентно свойственное лидерам рабочего движения спокойствие; чиновник одного из немецких профсоюзов выразил это так: «В этом нет никакого упрека, само собой разумеется, что если бы мы и сейчас стояли за станками в наших мастерских, довольствуясь ничтожной зарплатой, мы сами проявляли бы больший интерес в том, чтобы установить новый общественный порядок как можно скорее»[468]. Подобное расположение духа усиливается еще и в том случае, если бывший рабочий, как это часто бывает, работает журналистом. Несмотря на то что ему удалось усвоить огромное количество знаний, ему все-таки недостает предварительного образования, чтобы разобраться во всех деталях научной доктрины, не говоря уже о том, чтобы создать собственную теоретическую систему, поэтому энергия теории не сможет нейтрализовать его личную склонность к излишнему спокойствию (как это, без сомнения, часто происходит с марксистами)[469].

Замена буржуазного лидера пролетарием не предлагает ни теоретических (с точки зрения социализма), ни практических вариантов борьбы с политической и моральной неблагонадежностью лидеров. Говорят, из 11 народных депутатов пролетарского происхождения, избранных в палату на выборах французского временного правительства в 1848 году, десять отказались от своей предвыборной программы[470]. Руководство итальянской ветви Интернационала (около 1868–1879), история которого украшена всеми человеческими добродетелями, по большей части состоит из представителей буржуазии и дворянства; в нем есть лишь два исключения: Стефано Капоруссо, по собственному утверждению образцовый рабочий, экспроприировавший кассу социалистического союза Неаполя, в котором председательствовал, и Карло Терзаги, лидер туринского отделения, уличенный в связях с полицией и исключенный из партии[471]. История рабочего движения учит нас, что чем меньше в социалистической партии пролетариев, тем в большей степени она подвержена влиянию своего окружения. Первым депутатом миланской рабочей партии, принимавшей в свои ряды только пролетариев (то есть рабочих физического труда), отправленным на парламентский съезд (1882), был шрифтолитейщик Антонио Маффи. Там он сразу присоединился к буржуазной фракции левых, объяснив это тем, что выбор в пользу пролетария вовсе не обязательно должен быть оппозицией другим социальным классам [472]. В империи Наполеона III лидеры французских прудонистов – гравер Анри Луи Толен и типограф Фрибур на Первом конгрессе Интернационала в Женеве в 1866 году весьма активно выступали за то, чтобы добавить в общественный устав дополнительное положение, в соответствии с которым все интеллектуалы и представители буржуазных

слоев будут исключены из рядов Интернационала. В 1871 году они уже ополчились на Коммуну и выступали заодно с Тьером, из-за чего были объявлены предателями и исключены из Интернационала. Позже, во времена консервативной республики, Толен занимал пост сенатора. Лидер английского рабочего движения Оджер, член генерального совета, покинул Интернационал после Парижской коммуны, отчасти из-за авторитарности Маркса, отчасти потому, по словам Маркса, что использовал это сообщество лишь для того, чтобы обеспечить себе доверие рабочих масс, теперь же он отказался от своего поста, так как понял, что принципы социализма мешают его политической карьере. К нему присоединился другой лидер рабочих, также член генерального совета, Лукрафт, ставший впоследствии школьным советником [473]. Подводя итог, можно сказать, что, как только маршальский жезл оказывается в мозолистой руке рабочего, путь армии пролетариата к цели становится неувереннее и не вполне соответствует заданным целям в отличие от тех случаев, когда руководство берут в свои руки пришедшие из других социальных слоев. Один французский критик отметил, что у пролетарских руководителей рабочего движения нет необходимого воспитания и образования, а потому общий уровень их морального и интеллектуального развития в среднем ниже, чем у руководителей из буржуазных слоев. Поведение многих из них могло бы стать наглядным учебным материалом для воспитания антипарламентаристского сознания. «После господства феодализма воцарилось господство буржуазии. После буржуазии нам будет нужен бригадир? Лафонтен говорил: “Наш враг – наш хозяин”. Но самый грозный хозяин – тот, кто выйдет из наших рядов, тот, кто добьется власти благодаря лжи и хитрости» [474].

От появления пролетариата на мировой арене и сопутствующих ему явлений можно было ожидать самого благоприятного, этически-возрождающего воздействия: новые деятели будут осуществлять постоянный и непрерывный контроль над общественной властью и собственными рабочими организациями, усиленный их гипертрофированным чувством ответственности. Однако из-за тенденций к олигархии это воздействие ставится под вопрос даже в кругах рабочего класса. Как отмечает Чезаре Ломброзо в передовой статье для главной газеты Итальянской социалистической партии, не встречая никаких возражений: чем ближе пролетариат к тому, чтобы захватить власть и захватить богатства буржуазии, тем в большей степени он перенимает все пороки своего классового противника и сам становится орудием разврата. «Затем возникают все те подразделения наших так называемых народных партий, которые склонны ко всем порокам буржуазии и претендуют и часто пользуются престижем среди народа, легко становясь инструментом правительственной коррупции, марширующей под знаменем либерализма» [475]. Нам известно достаточно примеров, в том числе в истории европейского рабочего движения, когда искусственная попытка сохранить пролетарское партийное руководство приводила к политическому мизонеизму, к которому с большой опаской относится партийное рабочее движение других стран – и имеет для этого серьезные основания. На это жалуются в рядах партийных социал-демократов – причина всех бед рабочего движения в том, что его ряды переполнены буржуа. Однако это лишь проявление неосведомленности о всеобщих исторических процессах нашего времени.

Руководство демократической партии может иметь разные формы, так как комплекс тенденций, которые его определяют, зависит от среды – национального характера, климата, исторических традиций.

Америка – типичный пример государства доллара. Общественная жизнь там определяется жадной прибылью. Неограниченная власть капитала предполагает коррупцию. В Америке коррупция не только распространена повсеместно, она стала общепризнанным общественным механизмом[476]. В то время как в европейских странах она вызывает гнев и осуждение, в Америке к ней относятся с безразличием или циничной ухмылкой. Леки считает, что, если кто-то решит составить представление об американце по его общественной жизни, он неизбежно придет к самым неблагоприятным и несправедливым выводам[477].

Поэтому неудивительно, что господские замашки лидеров рабочего движения шире распространены именно в Северной Америке, где их развитию способствует описанная нами бесприммерно материалистическая и антиэстетическая среда. Лидеры рабочих в Америке следуют существующим капиталистическим тенденциям, которые определяют общественную жизнь. Их профессиональные привычки становятся по сути плутократическими. После успешного заключения тарифных или любых других соглашений официальные представители профсоюзов встречаются с предпринимателями за роскошным ужином. Во время конгрессов принято дарить иностранным депутатам и их женам дорогие подарки (украшения и т. д.). Особые заслуги вознаграждаются чрезмерным повышением оклада [478]. Как нам известно из достоверных источников, руководство рабочего движения, особенно лидеры профсоюзов, воспринимают свое положение как возможность улучшить свой социальный и материальный статус. В Америке рабочий класс, по свидетельству очевидца, не выдвинул ни одного руководителя, которым он мог бы гордиться. Большинство из них самым бесстыдным и бессовестным образом используют доверенное им соратниками и товарищами место для достижения собственных целей. Значительную часть американских профсоюзных лидеров там называют «глупыми и милыми» (“stupid and cupid”)[479]. Порядочных и рассудительных рабочих они держат подальше от дел организации или наставляют на ложный путь. Капиталисты полностью подчинили себе этих людей. Будучи необразованными выскочками, они особенно падки на лесть[480]. Но это самая незначительная из их ошибок. Иногда они всего лишь наемники капитала. Работник профсоюза становится «боссом» для главного врага своих подопечных, он становится «скабом» или «рабочим лейтенантом капиталистического класса»[481]. От социалистов мы слышим самые невероятные истории о добравшихся до власти и начисто лишенных морали деятелях. Среди наиболее организованных профсоюзов есть и такие, которые заключают регулярные договоры с капиталистами в своих отраслях промышленности, чтобы эксплуатировать потребителей, а после по-дружески разделить с капиталистами награбленное[482]. Движения за сохранение заработной платы возникают только ради индивидуальной выгоды капиталиста А по сравнению с капиталистом Б. Необходимые профсоюзам забастовки прекращаются, как только большой предприниматель пожалует лидеру забастовки пожизненную ренту. Американские рабочие, состоящие в профсоюзных организациях, вероятно, благодаря полному отсутствию хотя бы малейшего представления о социалистическом классовом сознании были названы одним известным бельгийским крупным промышленником образцом интеллигентности, который он ставил в

пример ленивым и опустившимся европейским рабочим[483]. Но те же самые американские рабочие все еще позволяют своим лидерам водить себя за нос и до сих пор остаются единственными, кто не замечает их поступков и преступлений. Они позволяют эксплуатировать себя и отказываются работать за одним станком с теми, кто оказался прозорливее и смог открыто заявить о мошенничестве профсоюзного руководства[484].

Здесь в гораздо большей степени, чем в Англии [485], мы имеем дело с формой «улучшенного рабочего существования», представители которого, за небольшими исключениями, составляют огромную массу полуобразованных, надменных и эгоистичных скандалистов, самый низменный и неприятный человеческий тип, который предвидел Дидро: «То, что делают все разбогатевшие нищие: я стал бы самым наглым негодяем, какого только видел свет» [486].

История организованного рабочего движения Северной Америки по уровню своей коррумпированности ничуть не уступает истории североамериканских капиталистических классов. «В обоих случаях это грязная и унылая история, а в случае с организованным трудом – в какой-то мере невосприимчивая к героизму и тем чувствам, которые сыграли столь заметную роль в рабочих движениях других стран. Цинизм цивилизации, основанной на наличных, видимо, пустил корни и среди капиталистов, и среди пролетариев»[487]. Американское рабочее движение безукоризненно с точки зрения своей пролетарской составляющей, но в то же время весьма коррумпированно [488].

Версия #1

Зверобой создал 19 января 2026 23:54:51

Зверобой обновил 19 января 2026 23:55:02